Я жду вечернего заката, когда случаются стихи, когда прошедшее когда-то меня берёт в свои тиски.

И пепел от сигары тонкой бесшумно падает в тетрадь, где слов застывшие обломки мой разум силится собрать.

Как снег, белеет лист бумаги, когда он не в ладах с пером и капля подсолённой влаги предательски дрожит на нём.

Я не рождён, чтоб быть поэтом, мне людям нечего сказать. Всё сказано о мире этом, но мне как друг — моя тетрадь.

Друг, отвлекающий от скуки и нужный только для того, чтоб сердце избавлять от муки — непостижимости ВСЕГО.

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЮБОВЬ (Вариант первый, романтический)

Смущаясь, Вы снимали платье, и белизна нагого тела была прикрыта лишь распятьем, что на груди у Вас желтело.

За окнами кружилась вьюга, ночь незаметно надвигалась, и нам, в объятиях друг друга, минута вечностью казалась.

Мне тело Ваше отвечало на ласку — чувственною дрожью. Я видел в Вас любви начало и благодать в Вас видел Божью.

И мне казалось, что последней любовь начавшаяся будет, что время на часах в передней застынет и о нас забудет.

За окнами кружилась вьюга, а мы, одни в пустой квартире, считали годы друг без друга, растраченные в этом мире...

ВАРИАНТ ВТОРОЙ

(Тригикомический)

Смущаясь, Вы снимали платье, и белизна нагого тела была прикрыта лишь распятьем, что на груди у Вас желтело.

За окнами кружилась вьюга, ночь незаметно надвигалась, и нам, в объятиях друг друга, минута вечностью казалась.

Мне тело Ваше отвечало на ласку — чувственною дрожью. Я видел в Вас любви начало и благодать в Вас видел Божью.

Услышал я шаги в передней, в миг, когда мысль ко мне явилась, что Вы — мой дар любви последней, что так, по сути, и случилось.

В краю, где только тьма и звёзды, теперь я ангелов целую. Тогда спросил я слишком поздно:
— А муж Ваш точно во вторую?..

Уйти и вновь вернуться — вот мой крест, в чужих краях не обретя приюта, покой оставив благодатных мест, но к новизне не отыскав маршрута.

К тебе вернуться, чтобы вновь уйти. И изменить тебе, не изменившись. И снова своё сердце принести, от поисков бесплодных утомившись.

Когда-нибудь я жажду утолю. Пойму, как свято то, что с нами было. И в сотый раз, наверно, объясню, что новой страсти сердце уступило.

Но страсть подолгу в сердце не живёт. Она как сон, мираж в пустыне белой. Твоя ж душа всегда в любви цветёт, в противовес моей — оледенелой.

Но верю я – к ней прикоснёшься ты и в тот же миг растают эти льды...

Начиная с чистого листа, не приемля пошлости и фальши, как художник около холста, я стою и думаю: что дальше?

Открывая новую тетрадь, где пока ни строчки и ни слова, Я пытаюсь что-то написать, но покуда сердце не готово.

То, что написал, пора бы сжечь — и освободить себя от плена, всё, что передать способна речь, сердцем забывается мгновенно.

Начало марта. Серый день. Вновь небеса не распахнулись. Нет никого вокруг, лишь тень моя среди размытых улиц.

Пред неизвестностью пути, пред неизбежностью кончины стараюсь я вперёд идти, для жизни находя причины.

И думаю, причины есть у жизни хрупкого сюжета, иначе для чего я здесь и для чего судьба мне эта...

Не трогай, Время, милые черты возлюбленной неведомой моей. И небом, и землёю правишь ты. Прошу тебя, будь милостиво к ней.

Её для нашей встречи сбереги в нетронутой годами красоте. И мне, как друг надёжный, помоги найти её в холодной пустоте.

Не буду я себя приукрашать и праздной мыслью омрачать чело. И, встретясь с ней, сожгу свою тетрадь, в которой прежде маялось перо.

И Время, что вело друг к другу нас невидимой и долгою тропой, к нам благосклонно будет в этот час и наградит единою судьбой.

Ты добавишь каплю грусти, каплю грусти в омут глаз. Мы с тобою всё отпустим — разлучающее нас.

Мы отпустим тьму ночную, что нависла за окном, мысли, что не я целую твои губы перед сном.

Мы отпустим память прежних, нас с тобой не знавших, лет. И в объятьях самых нежных встретим в первый раз рассвет.

Вы так прелестно улыбнулись, что чувства лучшие проснулись в моей измученной душе. И я подумал: в неглиже её ведь кто-то созерцает.

От зависти изнемогает мой взгляд, и сердце в тон ему. Мадам, скажите, почему Вы так божественно прекрасны? Кто Вас окутал негой страстной? И очи Ваши не забыл и той же негой напоил. В зрачок вложив искру лукавства и мягкость женского коварства, то, что не ранит — умилит, волненьем лёгким наградит. А губы? Вот была бы встреча... Вам руки опустив на плечи, с устами Вашими сойтись. По шее пальцами пройтись. И ими же груди коснуться, себя щипнув, чтобы проснуться и, осознав, что Вы — не сон, не сдерживать ни вздох, ни стон, Вас обнажая, но не страстно, а медленно, легко, чуть властно. Ласкать ночами Ваше тело и свято верить, что хотело оно годами рук моих. И что в объятиях иных Вы лишь притворствовать могли. Что судьбы наши нас свели сегодня, в этот миг волшебный, когда Ваш облик совершенный навеки мною завладел. Поверьте, Вас так не хотел никто ещё на свете белом. Я покорён — и Вашим телом, и золотых волос венцом, и более всего — лицом, которое всегда лучисто. И магией улыбки чистой я очарован навсегда. Вы — моя радость и беда. Беда — поскольку Вы не вечны.

А радость в том, что безупречны и предо мной обнажены. Нам губы для того нужны, чтоб душу с плотью сочетать и чувств гармонию познать...

Вот ещё один день прошёл из тех дней, что всегда проходят. И опять я Вас не нашёл. Может, Вас просто нет в природе?

Может, в веке прошедшем Вы на планете гостили этой? Может, умерли от чумы или стали жертвой вендетты?

В каждом лике ищу я Вас. И, похоже, мой поиск вечен. Лишь во сне Вы являлись раз. Только был тот сон скоротечен.

Этот сон до сих пор со мной. Ну а я... Я брожу по свету и ищу Вас в толпе людской. Но, похоже, Вас всё же нету.

СИРЕНЬ

Природа радуется маю. Из дома выйду поутру, тебе сирени наломаю, кустов пятнадцать обойду.

Сложу у твоего порога благоухающий курган, нет в мире лучшего предлога начать выстраивать роман.

Ты по звонку откроешь двери. Сирень увидев, всё поймёшь, в мои объятья — я уверен — без колебаний упадёшь.

Сирень моя, моя отрада! Всегда ты скрасишь серость дня. Ты и для женщины услада, и лишний козырь для меня.

Выезжаю утром на дорогу, на дороге ждут меня менты. Я не пью подолгу и помногу. Взгляд мой ясен. Помыслы чисты.

Жигулёнок мой — моя обитель, помесь старины и простоты. Скажут мне менты: «Привет, водитель!» Я в ответ им: «Здравствуйте, менты!»

Мне напомнят, что вчера был праздник, что я подозренья в них бужу. Но я далеко не безобразник и машину пьяным не вожу.

Всё ж меня обнюхают с любовью, ведь не все водители святы. Спросят: «Пётр Иваныч, как здоровье?» Я отвечу: «Хорошо, менты!»

На их лицах вижу я страдание, разочарование и боль, ведь в моей крови, при всём желании, не найти вчерашний алкоголь.

Тяжело со мной им расставаться, но что делать, надо отпускать. Их удел — в нас, грешных, сомневаться. Наш удел — им повод не давать...

Я Вас просил меня забыть, но Вы мне в этом отказали, меня тем самым обязали Вас до скончанья лет любить. Я думал: любят только раз, а после быстренько уходят и что-то новое находят, как я нашёл когда-то Вас.

Теперь мне не сбежать, увы. И я Вас этим утешаю и мысленно себе внушаю, что, может, счастье — это Вы?

На свете всем не угодить, и всех уроков не усвоить. Ты можешь чью-то жизнь устроить, а чью-то можешь погубить.

В ошибках каяться своих и повторять ошибки эти. Быть мудрым для одних на свете и дураком быть для других.

Прыщ на женской ягодице выскочил, и не уснуть. Мыслью женщина томится: вдруг увидит кто-нибудь?

Вдруг пристроится мужчина, как нарочно, с тыла к ней, глянет вниз, а там прыщина пышет свежестью своей.

«Это что за чертовщина!» — отшатнувшись от прыща, в страхе закричит мужчина, к отступленью путь ища.

В тон ему воскликнет дама: «Да вы, батенька, эстет! Разве прыщ на попе — драма? Драма — если попы нет!»

Успокоенный мужчина лишь руками разведёт, выпьет чашку капучино, к даме спереди зайдёт.

Страсти прерванная тема актуальной станет вновь. Прыщ на попе — не проблема, в жизни главное — любовь.

Женщина не позвонила. На свиданье не пришла. Может быть, она забыла? Может быть, кого нашла?

Может, просто не успела? Или просто было лень? Может быть, не захотела на мужчину тратить день?

Может, колесо спустило? Или муж не отпустил? Может, сильно загрустила? Может, стресс, упадок сил?

Торт вчерашний проклиная, может, плачет третий час, ибо юбка выходная не налезла в этот раз?

Может быть, каблук сломала? Прыщ нашла на животе? Сериал смотреть устала и уснула на тахте?

Может, за буёк заплыла, но не рассчитала сил? Иль коня остановила, ну а конь ей отомстил?

Ожиданием тиранить может женщина века... Как не стыдно так «динамить» в наше время мужика?!

ОБЕРЁГ ОТ ДУРНЫХ БАБ

Меня ты после выходных встречаешь скалкой или плетью. Мне оберег от баб дурных ты подари на двадцать третье.

Чтоб эти бабы меня в плен насильственно не забирали, чтоб сторонился я измен, о долге помнил и морали.

Ты видишь в этих бабах зло, но я секрет тебе открою: дурные бабы, как назло, не так уж и дурны собою.

Без оберега дух мой слаб, да и с тобою связь непрочна, мне без него всех этих баб не разогнать — я знаю точно. Меня ты больше не кори. Я — жертва. Мягче с жертвой надо. Ты оберег мне подари. Сама потом ведь будешь рада...

Я выпил с Вами бренди и уснул, хотя так грезил о внебрачной связи. Снял галстук, и рубашку расстегнул, и отключился на последней фразе.

Проснулся утром, Вас и след простыл. Исчезло всё, включая пианино. Будь моя воля, я бы запретил свободную продажу клофелина...

ЁЛКА

От меня в быту так мало толку, что уже четвёртую неделю просишь ты, чтобы я вынес ёлку, ибо дело движется к апрелю.

Речи твои страстны, взгляды — колки. Ты твердишь, что мужики в округе в январе выносят свои ёлки, и за это хвалят их супруги.

С пола подметаешь ты иголки и во мне рождаешь ощущенье: если мы избавимся от ёлки — потеряем повод для общенья...

СУПРУЖЕСТВО-2

Стоял прекрасный летний вечер. В сенях поскрипывал сверчок. Зажёг в опочивальне свечи с довольным видом мужичок.

- Тебе сюрприз я приготовил, торжественно сказал супруг.
 Жену «сюрприз» обеспокоил:
 Ты пульт не потерял, мой друг?
- Не будет, как на той неделе: ты вроде бы меня ласкал, но подо мной на самом деле ты пульт от телека искал?
- Нет, это лучший из сюрпризов. Он под подушкой. Доставай! Он исполнитель всех капризов и знает путь кратчайший в рай.

Жена полезла под подушку сюрприз желанный доставать. А там — китайская игрушка, вибратор дюймов в двадцать пять.

Жена лишилась дара речи. Муж повернулся на бочок. Стоял прекрасный летний вечер. В сенях поскрипывал сверчок.

Я же вижу, как меня Вам хочется. Вижу это в блеске Ваших глаз. Только заразить Вас Одиночеством мне совсем не хочется сейчас.

Я немного ранен Вашей нежностью, и по сей причине — инвалид. Только заразить вас Безнадежностью не могу. Мне совесть не велит.

Вам найти кого бы поприличнее И прижаться к верному плечу. Заразить могу я Безразличием, но сегодня точно не хочу.

Стоит ли со мною Вам морочиться. Но уж раз я чувства в Вас бужу, да и заразиться Вам так хочется, я Вас лучше гриппом заражу.

— И в сорок пять я вас любил, — шепнул Иваныч тёте Розе. Не о годах он говорил, он говорил ей о морозе.

И спирт по чашкам разливал любви потомственный новатор, и с антресолей доставал китайский тепловентилятор.

От этих действий мужика была в восторге тётя Роза и с умным видом знатока спирт смаковала в малых дозах.

Постель Иваныч расстилал, снабжал её электрогрелкой и тётю Розу развлекал то песней, то тирадой меткой.

И становилось жарко ей от спирта, вздохов, разговоров, от пылкости мужских очей, от нагревательных приборов.

И воцарялось в пять утра на градуснике плюс пятнадцать. Иваныч восклицал: «Пора!» Давал отмашку раздеваться.

Снимали оба зипуны. Снимал одним движеньем властным Иваныч ватные штаны пред взором женским любострастным.

Любовь возможна в сорок пять, Речь не про годы, про морозы, когда есть чем обогревать квартиру милой тёти Розы...

Не чихай в шкафу, мужчина, если уж в него попал. Прячься тихо, благочинно. Помни, что ты не амбал.

Понадейся на везенье. Вспомни, что мы все умрём. В недрах шкафа есть спасенье, но чихать не стоит в нём.

Кашлять тоже в нём не стоит, даже если птичий грипп твои бронхи беспокоит, а из лёгких рвётся хрип.

Тот мужчина, что снаружи, весит девяносто пять. Он в морской пехоте служит. Так что лучше не чихать...